

Научная статья
УДК 93(930.1)
doi: 10.17223/19988613/98/7

Уложение как законодательная основа конституционных установлений в определении М.М. Сперанского

Светлана Викторовна Осипенко

*Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
Москва, Россия, sv.osipenko2016@mail.ru*

Аннотация. Представлены основные направления реализации конституционного замысла М.М. Сперанского, вопросы постижения и понимания сущности правового государства, идеи закона и законности, их предназначение в государственной деятельности. Анализируются основные положения введения конституционного правления путем разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную из проектов реформатора. Авторская концепция заключается в обосновании главного замысла М.М. Сперанского – поступательного реформирования института власти и внедрения конституционных основ правления на основании Уложения.

Ключевые слова: Уложение, манифест, правовая система, реформатор, государственность, гражданское общество, конституционные законы

Для цитирования: Осипенко С.В. Уложение как законодательная основа конституционных установлений в определении М.М. Сперанского // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 59–65. doi: 10.17223/19988613/98/7

Original article

The code as a legislative basis for constitutional provisions in the definition of M.M. Speransky

Svetlana V. Osipenko

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky,
Moscow, Russian Federation, sv.osipenko2016@mail.ru*

Abstract. In the history of Russia, the 19th century is a qualitatively new period in the development of statehood, the period of legal society formation, the development of national self-awareness, and political culture. The reference to historical and legal experience, to constitutional projects and transformations associated with the name of an outstanding statesman, Mikhail Mikhailovich Speransky, is based on the study of his theoretical and practical options for implementing the constitutional alternative in Russia under the conditions of Russian absolutism in the first half of the 19th century. The idea of the reformer was to create a unified legal system based on the Code to govern a state.

The criterion to analyze M.M. Speransky's heritage is a combination of his theoretical propositions and their practical implementation into political projects, both publicly published and remaining in a handwritten form. Such an approach to Speransky's heritage studying makes it possible to use many sources with the aim of interpreting and, then, overhauling his political and legal views in various periods of his state activity.

By order of the emperor M.M. Speransky developed a number of projects – a note «On the Commission of the Code» (1802), «Introduction to the Code of State Laws» (1809), to which two voluminous notes were compiled – «A Brief Outline of Public Education» and «A General Overview of all Transformations and Their Time Distribution». The implementation of the state reforms plan meant fundamental changes – the transformation of the political image of the country, the transition from an absolute monarchy to a constitutional one while maintaining “strength and area of the autocracy». The reformer created a model of the «autocratic rule ... with all external forms of law» (code of laws, the Code or the Constitution. – S.O.), which implements his main idea – the division of power into legislative, executive and judicial ... while maintaining the supreme power of the emperor.

Speransky is a supporter of the legal development of Russia. As a patriot, he defended the idea of preserving the identity of Russia, thereby developing the ideas of Russian thinkers. He was familiar with advanced legal and economic theories, after rethinking which he tried to bring them into line with Russian reality. Speransky's philosophical and legal concept clearly demonstrates the author's awareness of the need to distinguish the right and law in the context of the theory of positive law.

The reform of Russian statehood is one of the unique phenomena, we are observers and participants in this process – a change not only in the political course of the state or methods of its society managing but also a practical change in all elements and structures of statehood. In our opinion, an understanding of its specific nature (Russian statehood) will

allow our contemporary reformers to avoid single-ended and categorical assessments of a number of events and failed reforms in the future.

Keywords: Code, Manifesto, legal system, reformer, statehood, civil society, constitutional laws

For citation: Osipenko, S.V. (2025) The code as a legislative basis for constitutional provisions in the definition of M.M. Speransky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 59–65. doi: 10.17223/19988613/98/7

Внесение изменений в Конституцию, наделение Госсовета конституционным статусом – перемены, происходящие в настоящий момент в российском обществе в свете событий последних десятилетий, процесс радикальных реформ по преобразованию государственного устройства, реформирование современной системы органов государственного управления, российского законодательства, целью которого провозглашено создание свода законов, судебной системы, что усиливает интерес к истории нашего государства и заставляет нас вновь задуматься об истинном смысле этих понятий, так тесно связанных как с событиями первой половины XIX в., так и с коллизиями нашего времени. И здесь реформаторы, законодатели сталкиваются с целым рядом проблем, прежде всего связанных с систематизацией законов, что стимулирует их обращение к анализу и осмыслению исторического опыта.

Практика совершенствования административного и реформаторского потенциала российского государственного механизма, системы принятия решений, законотворческого процесса, определения места отдельных учреждений в разработке и осуществлении внутривластного курса – все эти вопросы требуют более тщательного изучения в исторической ретроспективе, а также реконструкции деятельности отдельных государственных структур, в том числе связанных с законодательной политикой правительства, и прежде всего Государственного Совета и Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии первой половины XIX в.

В истории России XIX век – это качественно новый период развития государственности, период становления правового общества, развития национального самосознания и политической культуры. На протяжении всего XIX в. остро стоял вопрос о совершенствовании институтов государственного управления и выборе дальнейшего пути развития общества. Именно в первой половине XIX в. были разработаны различные варианты проектов преобразования институтов власти. Обращение к опыту преобразования системы государственного устройства (законодательной, судебной и административной) в наше время обусловлено процессами, во многом сходными со временами либеральных реформ императора Александра I (1802–1811), а также с периодом становления российской законодательной, судебной системы в период правления Николая I (1826–1842).

Обращение к историко-правовому опыту, конституционным проектам и преобразованиям, связанным с именем выдающегося государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского основано на исследовании его теоретико-практических вариантов реализации

конституционной альтернативы в России в условиях российского абсолютизма первой половины XIX в. Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) – член Государственного Совета, действительный статский советник, полный кавалер высших российских наград – вошел в историю «не только как теоретик-реформатор, но и как крупный администратор-практик... Идеи и планы Сперанского, хотя и не были воплощены в жизнь в его время, имели большое значение для последующей политической эволюции России» [1. С. 246].

Исследование наследия Михаила Михайловича Сперанского позволяет нам использовать этот обширный материал для анализа многих вопросов в современной историографии: различных сторон русского реформаторства первой половины XIX в., социальных, духовных и политико-правовых преобразований того времени, способов их воплощений и особенностей политического противостояния в правительственных кругах и обществе. Невозможно понять смысл политико-правового учения М.М. Сперанского вне связи с экономическими, социальными, политическими и культурными условиями развития общества в историческую эпоху его деятельности. В связи с этим следовало бы обратиться к высказыванию профессора М.В. Довнар-Запольского: «Сперанский – не шаблонный составитель проектов в духе времени... Он глубокий политический мыслитель, не только практик, но и теоретик. В его взглядах видно широкое знакомство с философией, теорией и практикой права западноевропейских государств».

Критерием анализа наследия М.М. Сперанского является сочетание теоретических положений с практическим выходом этих положений в политические проекты, как получившие общественную огласку, так и оставшиеся в рукописном варианте. Такой подход в исследовании наследия Сперанского дает возможность задействовать множество источников с целью интерпретации, а затем и в реконструкции политико-правовых взглядов в различные периоды его государственной деятельности.

План реформатора с подачи Александра I заключался в создании единой правовой системы управления государством на основании Уложения. Уложение как свод законов, как конституционный проект было политическим наследием эпохи Просвещения Великой Екатерины II. И Александр I с вступлением на престол считал своим долгом реализовать его.

По распоряжению императора М.М. Сперанский разработал ряд проектов: записку «О Комиссии Уложения» (1802) и «Введение к Уложению государственных законов» (1809), к которому, в свою очередь, были составлены две объемные записки («Краткое начертание государственного образования» и «Общее

обозрение всех преобразований и распределение их во времени»). Намерения реформатора поражали своей грандиозностью. Реализация плана государственных преобразований предполагала кардинальные изменения, преобразование политического облика страны, переход от абсолютной монархии к конституционной при сохранении «силы и пространства самодержавия». Реформатор создал модель «правления самодержавного... со всеми внешними формами закона» (сводом законов, Уложением или Конституцией. – С.О.), реализующую его главный замысел – разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную при сохранении верховной власти императора. В проекте представлены основные положения и принципы организации министерской, судебной и системы управления, способствующие созданию современной законодательной основы государства, соответствующей лучшим образцам европейской школы.

Политико-правовое учение Сперанского обстоятельно развивает следующие положения: учение о власти, учение о правах подданных и учение о законе [2. С. 22].

Понятие уложения на протяжении всей жизни реформатора изменялось вместе с развитием его представлений об общих принципах правового законодательства. Высшей формой систематизации законодательства М.М. Сперанский определяет составление уложения. Так, в записке «О Комиссии Уложения» (1802) он рассматривает уложение как необходимую «часть государственного постановления или конституции», содержащую «общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу: ...уложение не дает гражданам прав, но учреждает взаимные их между собою отношения и превращает их в обязанности». Уложение в данном случае представлено как основная составляющая конституционного правления: «правления законные не могут быть без Уложения, ибо в правлениях законных права граждан непоколебимы, а права непоколебимы быть не могут, если не установятся между ими непреременные отношения... В сих правлениях уложение есть закон фундаментальный и непреременный, ибо нельзя переменить отношений прав без потрясения их самих». В правлении «самовластном не может быть уложения, ибо где нет прав, там не может быть и постоянных между собою отношений». В самодержавном правлении под уложением следует понимать «произвольное постановление власти предержавшей, предписывающее взаимные граждан обязанности на известное время, доколе воля самовластная не рассудит переменить их или иным образом ограничить» [3. С. 21].

Из этого следовало, что уложение «основано на существующих правах народа», или по крайней мере следует «предполагать их существующими (права народа. – С.О.), ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах». Уложение формирует законодательную основу для конституции, «утверждая отношения прав между гражданами, тем самым врезывает оно, в мнении народном, самые права, а мнение народное есть первая

стихия, первая деятельная сила конституции... уложение – верный способ приготовить путь... и расположить ум народный» к конституции (фактически представлять конституционный проект, так как перейти от крепостного права к конституционному устройству невозможно) [3. С. 21].

Сперанский формулирует правила составления Уложения: 1) уложение «должно быть расположено по начертанию общего государственного постановления», т.е. конституции, к установлению которой, «идет Россия, ибо ныне существующее постановление, состоя в одной неограниченной воле, само собою прейти долженствует»; 2) составлено из тех законов, которые «донныне существовали и кои в уме народном уже утвердились». Новые законы следует принимать лишь тогда, когда старые «будут противны принятому государственному постановлению»; 3) правило обосновывает сам факт участия народа в составлении уложения. Уложение есть «коренной закон государства», в правильных монархических государствах «все коренные законы должны быть творение народа, ибо ни в одном из них без противоречия предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются». В том случае, если «избранные из всех состояний люди призовутся... не к сочинению Уложения (курсив мой и далее. – С.О.), но к выслушанию проекта его, если дастся им свобода делать на него примечания, если примечания сии не отвергнутся властью, но или докажутся им самим неосновательность оных, или сделаются по ним некоторые поправки в проекте», то Уложение можно рассматривать как «народный акт», являющийся «всеобщим государственным согласием» [3. С. 22–23].

В соответствии с установленными правилами Сперанский определяет «план всего действия» по составлению Уложения из трех частей: «приготовления», процесса составления и обнародования. Для осуществления каждой предполагалось создать особые комиссии, последовательно «одна место другой занимающие» в процессе подготовки и приведения в соответствие законодательного массива. Сперанский проводил большую подготовительную работу по систематизации законодательных актов, регулирующих сословные отношения (социальные, финансовые, имущественные и т.д.).

Предмет занятий первой комиссии – «составить и поверить лучшие и вернейшие своды Уложения или расположить законы по материям», т.е. по предметам, и «сочинить историю российских законов, изобразив в ней перемены их, начала, случаи и, если можно, влияние на государственное благо». Особое внимание следовало обратить на процесс, «каким образом обычай укреплять крестьян превратился в право и в каком положении сей род людей был в России при различных ее превращениях». Кроме того, следовало обобщить проекты и собранные материалы всех предшествующих комиссий, дополнить то, что «временем и небрежением в них потеряно... перевести или исправить и дополнить переведенные уже уложения, шведское, датское и особенно прусское». В свое время

написание истории российского законодательства М.М. Сперанский предлагал поручить А.Н. Радищеву.

В Уложении Сперанский предполагал составить «собрание законов по хронологическому порядку», а затем «по материям», т.е. составить своды, позволявшие «выявить пробелы в законах и существующие между ними противоречия» [3. С. 23–24]. В обязанность созданной с этой целью Комиссии входил отчет о проделанной работе в целом и обо всех нюансах Совету, отвечающему за процесс составления проектов законов, определение статей, которые не следует считать законами, но учитывать как «дополнительные материалы к составу Уложения».

Для выполнения объема работы первой комиссии Сперанский отводил три года, в течение которых следовало: 1) составить «полный свод законов, донные существовавших»; 2) привести в порядок собранные прежними комиссиями материалы; выявить статьи, «на кои законы или недостаточны, или противоречащи, или и совсем не существуют»; 3) составить историю российского законодательства – «творение необходимое» [3. С. 25–26].

Предполагалось создание «основания сему великому зданию», а правительству контролировать «начертание общего государственного постановления, или конституции». В данном контексте уложение как «часть сего постановления правительства... часть, сообразная (соответствующая. – С.О.) своему целому (общему государственному постановлению или конституции. – С.О.)», поэтому «без сего творения ни одной верной черты не можно провести». На правительство возлагалась ответственность за подбор и подготовку специалистов, «коим бы можно было поручить составление Уложения». С целью обучения и ознакомления с основами законотворческой деятельности предусматривалось их путешествие в государства, «где наука законодательства доведена до высшего совершенства». По мнению Сперанского, даже время, «в которое мы живем, по счастью, наиболее благоприятствует сему предприятию: ...в Англии лучшие люди думают и пишут проекты гражданского уложения, Франция вновь его созидает» [3. С. 26–27].

В проекте «Предположения к окончательному составлению законов» (январь 1826) Сперанский корректирует формулировку и определяет Уложение (code) как «систематическое изложение законов по их предметам: 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приутопляли бы точный смысл и разумение последующих; 2) все законы, по своду недостающие, дополнены были в уложении и обнимали бы сколь можно более случаев, не нисходя, однако же, к весьма редким и чрезвычайным подробностям» [4. Л. 3 об.]. Это определение не тождественно современному понятию кодификации. Сперанский переводит данный термин как *codificatio*: «Уложение – не есть законодательство и не может постановлять ничего нового, но под надзором правительства и его властью оно приводит существующие законы в систему единообразную и, следовательно, охраняет единство начал, уничтожает противоречия, сокращает без упущений и дополняет без установления, ибо сокращает лучшим

и точнейшим изложением, а дополняет, вводя в состав не новые законы, но необходимые и очевидные прежних законов последствия» [5. Л. 25]. Речь идет о систематизации законодательного массива: «уложение не изобретается, но слагается из прежних законов с дополнениями», в соответствии «нравам, обычаям и действительным потребностям государства» [6. Л. 1].

Сперанский разрабатывает общие принципы составления уложения с целью: «1) обнаружить их недостатки и показать, сколько неосновательны были постановления тех, кои считали все оконченными; 2) оно подало повод к разрешению как в гражданских, так и уголовных законах весьма важных вопросов» [7. С. 434], так как неудачи предшествующих кодификационных комиссий объясняются, в частности, тем, что они не имели понятий; «5) что все произведения бывших комиссий состояли только в сводах, более или менее недостаточных, без всяких понятий об истинной системе уложения» [7. С. 433]. Представленный далее материал является результатом позднейших размышлений Сперанского. «Свойство побуждений разделяет законы положительные на гражданские и уголовные», предмет которых – «лица, имущества и порядок управления». В соответствии с разнообразием лиц, обладающих гражданскими правами на другие лица и имущество, автор определяет четыре вида гражданских законов: 1) государственные регулирующие гражданско-правовые отношения государства; 2) государственных сословий; 3) общественных сословий; 4) частные, или лучше земские, определяющие права и обязанности частных лиц. В отличие от гражданских «в законах уголовных не может быть сего разделения», поскольку «лицо, обладающее уголовным правом на других, есть одно – государство». Поэтому все уголовные законы «составляют одно целое». Порядок управления в качестве предмета правового регулирования сохраняет «свое отдельное именование законов управления» [5. Л. 25 об].

Сперанский полагал, что «весь состав законов в общем изложении будет иметь следующий вид: 1) законы управления; 2) законы гражданские земские; 3) законы гражданские общественные; 4) законы гражданские государственных сословий; 5) законы гражданские государственные; 6) законы уголовные» [5. Л. 25 об.–26]. Как уже было сказано, ранее Сперанский придерживался несколько иной точки зрения на определение смысла (подразумевая непосредственно объем и результат этой деятельности) уложения и систематизации законов. В конечном итоге общий замысел Сперанского сводился к составлению общего Уложения, т.е. кодификации всех отраслей права, поскольку «все законы имеют необходимую связь между собою». Уяснить эту связь возможно в общем Уложении, что позволит «обнаружить истинный разум законов, охранить единство начал, отстранить противоречия» [5. Л. 26].

Истинная задача уложения, по мнению реформатора, заключается в том, чтобы «представить силу их с ясностью и точностью... в уложении необходимых». При этом ясность должна присутствовать в понятиях, а точность – в словах и выражениях... в том, чтобы «каждое из них поставлено (было) в своих пределах

ограниченно от всех смежных», условия точности слов и выражений в том, чтобы они означали «те только понятия, кои представлять они назначены, ни более, ни менее...» от степени изложения зависит «ясность в уложении, многое зависит от размещения предметов, ибо одно и то же правило заимствует более или менее света от понятий предыдущих и последующих». Точность зависит от следующего: «от силы слов, вообще употребляемых, и от силы слов искусственных» [5. Л. 25 об.–27], т.е. от культуры использования специальной юридической терминологии. «Искусственный язык Российского правопведения не столь обширен, но еще более неопределителен и во многих случаях разнообразен и даже произволен», поскольку «учебные определения не укрепили у нас постоянно, по словам смысла», в целом эти факты позволяют нам говорить об отсутствии юридической терминологии в России. Сперанский определяет «образ изложения», поскольку Уложение «не есть выписка из законов», оно «не может излагать законы теми же словами и в той же связи, в какой они состоят в узаконениях».

Сперанский задает вопрос: «Должно ли при составе Российского уложения принять искусственный язык, в общем Европейском правопведении употребляемый, или же ввести выражения со свойством нашего языка более сообразные и с существом понятий более сходные?» [5. Л. 27–27 об.]. Оценив удобства и неудобства обоих предположений, он считает необходимым избрать «средний путь между сими крайностями», которым можно «искусственный язык уложения привести к ясности и единообразию» и который будет заключаться в следующем: «1) Из числа искусственных слов, ныне в нашем судопроизводстве употребительных, принять и сохранить в уложении все те, кои коренной силе слов не противоречат и не имеют слишком разнообразных значений. 2) Смысл сих слов укрепить определениями и сводом слов, в общем правопведении им соответствующих. 3) Недостаток дополнить из слов, употребляемых в общем Европейском правопведении, прилагая их по смыслу, а не по коренному значению, часто со смыслом несогласному» [5. Л. 27–27 об.].

Сперанский определяет и «допустимые пределы» дополнения законов – «перемены», связанные с составлением уложения. Для этого следует в каждом роде законов «различить главные начала от их последствий», т.е. «уложение не прикасается к началам, не переменяет и не отменяет их без особого постановления верховной власти». Перемены допускаются только в случае явных противоречий, дополнения – в случае очевидных недостатков. Чтобы не выйти за пределы дополнений, «Уложение должно быть сопровождаемо сводом (digestum) существующих узаконений, расположенных в том же самом порядке, какой принят в составе Уложения» [5. Л. 29–29 об.]. Из Плана работы II отделения 1828 г.: за «основание проекта принят свод настоящих законов... Пропуски и недостатки дополняемы будут по сравнению с другими Уложениями и с лучшими в сем роде сочинениями. Изменения в законах существующих допускаемы будут в проекте не иначе, как по предварительному рассмотрению и утверждению особого Комитета, и по необходимости

или пользе, доказанной особым на каждый случай рассуждением». Далее он уточняет, что изменения заимствованы будут: «1) Из прежних указов, когда по рассмотрению Комитета найдены они будут лучше или полезнее настоящих. 2) Из рассуждений Государственного Совета, в прежних журналах его означены. 3) Из определений Сената, сообщенных в прежнюю Комиссию законов и отложенных до нового Уложения. 4) Из соображения неудобств или противоречий, замеченных в настоящем составе законов» [8. Л. 4–5].

Содержание Уложения определяют три рода статей: «...одни составляются из законов существующих; другие вводятся вновь в виде дополнений; третьи составляют перемену в законе». Статьи первого рода представляют «основы всего дела», но все же «они недостаточны: множество есть у нас случаев, законом не определенных, – отсюда произвольные решения и толкования, большей частью также произвольные». Статьи второго рода, т.е. дополнения, «должны быть по сей самой причине многочисленны, но все они должны быть единственно последствием первых». Статьи же третьего рода, вносящие изменения, «весьма редки, все основаны на опыте и доказанной необходимости» [4. Л. 9–9 об.]. Кроме того, Уложение должно быть «сопровождается изъяснениями (commentaires)... В них (уточнениях, комментариях. – С.О.) излагается разум или основание законов, дается отчет о причинах и необходимости дополнений или перемен в Уложение введенных и устанавливается связь их с законами существующими...»

Сперанский определяет три степени законопведения: «Приказный – он есть память законов без связи их отношений; Ученый – он есть познание законов в связи и систематическом отношении их предметов; Государственный – он есть соображение законов с положением Государства. Из сих трех степеней один, токмо первый, составляет у нас предмет постоянных занятий и практического навыка. Второму едва положены в университетах слабые начала, без книг и без пособий. Третий зависит от личных способностей и приобретает опытом дел государственных» [4. Л. 4].

Автор напоминает еще об одном способе «составления» законов – учебных книгах. Учебная книга (institutes) есть то же само Уложение, но «более методическое и приспособленное к учебному преподаванию в училищах» [4. Л. 3]. Этот способ составления законов – учебные книги – он рассматривает как неофициальный вид систематизации законодательства. «...наше Сводное Уложение в начатках его, и состав Юстинианов в действенном исполнении, одни представляют дело Законодательное; все прочие виды, – выписки, сборники, указатели, книги учебные ученые, – суть дело частное» [9. С. 81].

Следует согласиться с мнением А.Н. Макарова, полагавшего, что «под Уложением Сперанский понимал тот же свод, но систематизированный и дополненный» [10. С. 225], но это определение было сформулировано реформатором после 1826 г. Аналогичного мнения придерживается и Е.А. Нефедьев: «Работа по составлению Уложения при самых благоприятных условиях должна была дать в результате лишь улучшенный

Свод». Сперанский в этот период деятельности строго придерживался исторического правопонимания, согласно которому «право развивается изнутри, из недр народной жизни» [11. С. 28–29] и отражает специфику развития общества, соответствует его требованиям.

Мнение о том, что император отрицательно относился к составлению Уложения, которое казалось ему «чем-то отвлеченным, слишком теоретическим» [7. С. 431], впервые было высказано А.Ф. Бычковым, а впоследствии поддержано С.В. Пахманом. Однако, как справедливо замечает Е.А. Нефедов, при таком подходе Сперанского к определению Уложения «не было никакого основания отстранять мысль о его составлении», так как это был заказ императора. Действительно, характер и порядок кодификационных работ Сперанского определялся стремлением составить уложение. Возможно, мнение А.Ф. Бычкова и С.В. Пахмана – это следствие неверно истолкованных слов императора, высказанных им на заседании Государственного Совета 19 января 1833 г.: «...из предложенных мне путей я выбрал совершенно противоположный прежним: вместо новых законов велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют» [10. С. 8]. Из чего следует, что император говорил лишь о порядке производства кодификационных работ и не отказывался от идеи составления Уложения в будущем.

Этой точки зрения придерживается и А.Н. Макаров, приводя аргументы, свидетельствующие, что составление уложения входило уже в первоначальную программу кодификационных работ Сперанского. В записке на имя императора (в январе 1826 г.) Сперанский, определяя «пространство предприятия», указывает, что гражданское уложение может быть закончено в 1826 г., а к концу 1827 г. – уложение уголовное [4. Л. 9–9 об.]. 14 января 1828 г. в докладе Николаю I о Своде законов Сперанский предлагает «принять сей свод основанием к составу уложения» [12. С. 591.]. Свод законов служил основанием для последующего составления уложений, а уложения «будут тем лучше, чем своды, на коих оно основано, будут совершеннее». Высочайший рескрипт министру юстиции от 23 апреля 1828 г. учредил ревизионный комитет для проверки сводов, составленных во II Отделении, что является очередным аргументом в пользу того, что Свод законов гражданских представлял основание для работы над составлением уложения. Проект гражданского уложения следовало подготовить в течение 1828 г., о чем свидетельствует «Обозрение работ Второго отделения на 1828 г.» [10. С. 227].

В 1834 г., по окончании работ над составлением Свода законов, в «Записке о способах исправления законов» Сперанский представляет намерения Государя Императора: «...как скоро своды будут составлены и тем самым положен будет первый необходимый степень правильности в законодательстве, приступить ко второму степени, т.е. к систематизации разных его частей, пересмотру и исправлению» [13. Л. 4]. Следовательно, в 1834 г. Сперанский предполагал продолжить работу над составлением уложения в том случае, если выявленные при пересмотре недостатки законо-

дательства «будут важны и многочисленны и исправить их частным исправлением будет невозможно» [13. Л. 5 об.].

Однако следует учесть еще один факт. После назначения М.А. Балугьянского главой II отделения Николай I предупредил его: «Смотри же, чтобы он (М.М. Сперанский. – С.О.) не наделал таких же проказ, как в 1810 г., ты у меня будешь за него в ответе». Под «проказами» Николай I имел в виду составленный Сперанским при Александре I План государственного преобразования России, оценив его как попытку ограничения законом самодержавной власти и систему высшего и местного управления страны. По заключению В.А. Федорова, именно поэтому Николай I, согласившись на проведение двух этапов кодификации, отверг третий – составление собственно уложения, т.е. введение нежелательных «новшеств» [1. С. 230].

Рассуждение Сперанского о пользе уложения отражает его философско-правовое мировоззрение. «Если общества человеческие Богом ustanovleny для нравственного людей образования; если любовь к правде в сем образовании главное занимает место; если правда не может быть без закона, а законы не могут быть действительны без правильного и удобного их познания; беспорядок и смешение законов делает их неприступными для общего разумения; если в бесчисленных и неизгладимых изгибах может ненаказанно гнездиться ябеда и пристрастие; если соблазнительные примеры неправосудия могут, наконец, смешать и омрачить все понятия о правде, усилить навязчивость своекорыстия, охладить самое чувство чести и совести, то, очевидно, что необходимы все средства к приведению законов в ясность, и, следовательно, состав Уложения принадлежит к самым жизненным силам человеческих обществ» [5. Л. 25, 25 об., 29 об.–30].

Сперанский – сторонник правового развития страны. Как патриот он отстаивал идею сохранения самобытности России, продолжая тем самым идеи русских мыслителей. Его проекты основаны на обширных познаниях русской и западноевропейской теории и практики. Он был знаком с передовыми правовыми и экономическими теориями, переосмыслив которые пытался привести их в соответствие с российской действительностью. Философско-правовая концепция Сперанского наглядно демонстрирует осознание автором необходимости разграничения права и закона применительно к теории позитивного права.

Современная стратегия реформирования государственного управления во многом напоминает план преобразований М.М. Сперанского: законодательная конституционная основа сильной государственной власти, разделение властей, двухпалатный парламент, всеобщее избирательное право, соответствие подзаконных нормативных актов и регионального законодательства единой системе законов, единая организация местного, регионального и централизованного правления, суды разной юрисдикции и т.д. Единая законодательная основа государства – эта идея выдающегося реформатора как никогда актуальна в наше время.

Реформирование российской государственности – одно из уникальных явлений. Мы являемся наблюдате-

лями и участниками этого процесса – смены не только политического курса государства или методов управления обществом, но и практической смены всех элементов и структур государственности. На наш взгляд, по-

нимание ее особой природы (российской государственности) позволит нашим современникам-реформаторам избежать односторонних и категоричных оценок целого ряда событий и провальных реформ в будущем.

Список источников

1. Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1997. 255 с.
2. Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М. : Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. 72 с.
3. Сперанский М.М. Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 244 с.
4. Сперанский М.М. Предположения к окончательному составлению законов (январь 1826 г.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 731. Д. 996.
5. Сперанский М.М. Основания российского права (после 1821 г.) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1205.
6. Сперанский М.М. Введение к Своду гражданских законов // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 993.
7. Бычков А.Ф. К 50-ти летию II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии // Русская старина. 1876. Т. 15, № 2. С. 430–441.
8. Сперанский М.М. План работы Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии по составлению законов С.З.Р.И. на 1828 г. (26 января 1828 г.) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1000.
9. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во 2-м Отд-нии Собств. Е.И.В. канцелярии. СПб. : Печ. в тип. 2-го Отд-ния Собств.Е.И.В. канцелярии, 1833. 200, VII с.
10. Макаров А.Н. К истории кодификации Основных законов // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 10 (декабрь). С. 222–278.
11. Нefeldов Е.А. Причины и цель издания полного собрания и свода законов с точки зрения Сперанского : (сообщ., чит. в заседании Казан. юрид. о-ва 11 февр. 1889 г.). Казань : Тип. Губ. правл., 1889. 36 с.
12. Граф Михаил Михайлович Сперанский: его объяснительные записки и заметки, 1826–1828 гг. (сообщ. А.Ф. Бычковым) // Русская старина. 1876. Т. 15, кн. 1-4 (январь–апрель). С. 430–441, 586–598.
13. Сперанский М.М. Записка о способах исправления законов (1834) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1013.

References

1. Fedorov, V.A. (1997) *M.M. Speranskiy i A.A. Arakcheev* [M.M. Speransky and A.A. Arakcheev]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Dovnar-Zapolskiy, M.V. (1905) *Politicheskie idealy M.M. Speranskogo* [Political Ideals of M.M. Speransky]. Moscow: I.D. Sytin.
3. Speranskiy, M.M. (1961) *Proekty i zapiski* [Projects and Notes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Speranskiy, M.M. (1826) *Predpolozheniya k okonchatel'nomu sostavleniyu zakonov (yanvar' 1826 g.)* [Assumptions for the Final Compilation of Laws (January 1826)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 996.
5. Speranskiy, M.M. (n.d.) *Osnovaniya rossiyskogo prava (posle 1821 g.)* [Foundations of Russian Law (after 1821)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 1205.
6. Speranskiy, M.M. (n.d.) *Vvedenie k Svodu grazhdanskikh zakonov* [Introduction to the Digest of Civil Laws]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 993.
7. Bychkov, A.F. (1876) K 50-ti letiyu II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii [On the 50th Anniversary of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. *Russkaya starina*. 15(2), pp. 430–441.
8. Speranskiy, M.M. (n.d.) *Plan raboty Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii po sostavleniyu zakonov S.Z.R.I. na 1828 g. (26 yanvarya 1828 g.)* [Work Plan of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery for the Compilation of Laws of the Code of Laws of the Russian Empire for 1828 (January 26, 1828)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 1000.
9. Speranskiy, M.M. (1833) *Obozrenie istoricheskikh svedeniy o Svode zakonov: sostavleno iz aktov, khranyashchikhsya vo 2-m Otd-nii Sobstv. E.I.V. kantselyarii* [Review of Historical Information about the Digest of Laws: Compiled from Acts Kept in the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. St. Petersburg: Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
10. Makarov, A.N. (1912) K istorii kodifikatsii Osnovnykh zakonov [On the History of the Codification of the Fundamental Laws]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 10. pp. 222–278.
11. Nefeldov, E.A. (1889) *Prichiny i tsel' izdaniya polnogo sobraniya i svoda zakonov s točki zreniya Speranskogo: (soobshch., chit. v zasedanii Kazan. yurid. o-va 11 fevr. 1889 g.)* [Reasons and Purpose of Publishing the Complete Collection and Digest of Laws from Speransky's Point of View: (Report Read at the Meeting of the Kazan Legal Society on February 11, 1889)]. Kazan: Tip. Gub. pravl.
12. Bychkov, A.F. (ed.) (1876) *Graf Mikhail Mikhailovich Speranskiy: ego ob"yasnitel'nye zapiski i zametki, 1826–1828 gg.* [Count Mikhail Mikhailovich Speransky: His Explanatory Notes and Remarks, 1826–1828]. *Russkaya starina*. 15(1-4), pp. 430–441, 586–598.
13. Speranskiy, M.M. (1834) *Zapiska o sposobakh ispravleniya zakonov (1834)* [Note on the Methods of Correcting Laws (1834)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 1013.

Сведения об авторе:

Осипенко Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент научно-исследовательского центра Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ (Москва, Россия). E-mail: sv.osipenko2016@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Osipenko Svetlana V. – Candidate of Historical Sciences, Associate professor at the Scientific Research Center of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky (Moscow, Russian Federation). E-mail: sv.osipenko2016@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 29.06.2025; accepted for publication 15.11.2025